

История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей».
Часть II: строители пагод, учредители обрядов,
знаменитые миряне, вставшие на Путь Будды*

© 2020 г. Н.Н. Трубникова^{1**}, М.В. Бабкова^{2***}

¹Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Институт стран Азии и Африки, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.

²Институт востоковедения РАН, Москва, 107031, ул. Рождественка, д. 12; Школа актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 82, стр. 9.

**E-mail: trubnikovann@mail.ru

***E-mail: maya.babkova@gmail.com

Поступила 29.11.2019

В «Собрании стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю:», 1120-е гг.) за рассказами о начале буддизма в Японии и об основании храмов (свиток 11-й) следуют предания о строительстве пагод, учреждении обрядов, создании статуй будд и других благочестивых делах (начало свитка 11-го). Важнейшую роль здесь играют обеты и их осуществление, тем самым личные истории подвижников связываются с историей буддизма в масштабе всей страны. В отличие от источника, откуда взяты рассказы о происхождении обрядов («Самбо: экотоба», X в.), здесь эти предания не сведены в календарный цикл; внимание повествователя сосредоточено не на полноте обеспечения общины необходимыми ритуалами, а на том, как разные люди в различных обстоятельствах приобщаются к буддийской традиции через посредство священных текстов и соотносимых с ними обрядов, и этот ряд подвижников выглядит как принципиально не замкнутый, открытый для новых замыслов и их исполнения. Тема личных историй продолжается в свитке 19-м, где речь идет о причинах «пробуждения сердца», решения уйти в монахи. Среди персонажей этих историй – люди разного положения: родичи государей, придворные, воины, их приближенные, простолюдины. Принятие монашества для каждого из них оказывается не сменой социального статуса (с мирского на монашеский), а выбором новой цели, лежащей за пределами земной жизни, в «будущем веке». Особенный интерес представляют рассказы о постриге знаменитых писателей и поэтов: в них история буддизма связывается воедино с историей японской словесности.

Ключевые слова: японский буддизм, поучительные рассказы *сэцува*, «Кондзяку моногатари-сю:», история, буддийские обряды, японская литература.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–2-120-132

Цитирование: Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей». Часть II: строители пагод, учредители обрядов, знаменитые миряне, вставшие на Путь Будды // Вопросы философии. 2020. № 2. С. 120–132.

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18–011–00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

The History of Japanese Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*. Part II: Persons Who Built Pagodas And Established Rites; Famous Laymen Who Entered The Buddha Path*

© 2020 г. Nadezhda N. Trubnikova^{1**}, Maya V. Babkova^{2***}

¹School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation; Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, 11/1, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation.

²Institute of Oriental Studies RAS, 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation; School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 82/2, Vernadsky prosp., Moscow, 119606, Russian Federation.

**E-mail: trubnikovann@mail.ru

***E-mail: maya.babkova@gmail.com

Received 29.11.2019

Volume 11 of *Konjaku monogatari-shū* (1120s) contains tales about the beginning of Buddhism in Japan and the construction of the temples. It is followed by the legends about the construction of pagodas, establishment of rites, making statues of Buddhas and other pious deeds (first part of vol. 12). In this latter section vows and their solving play the key role, since they make ties between personal stories of the characters and the history of Buddhism in Japan. The source for most tales about the rites establishment is *Sambō Ekotoba* (X c.), but in *Konjaku* the tales are not arranged according to the calendar year. Narrator pays his attention not to the supply of all necessary rites for the community, but to the various ways of inclusion of different people into Buddhist tradition through sacred texts and rites related with these texts. The point is that the list of devotees is never fully completed, it's always open, so as the new persons can be added with their new intentions and plans. Volume 19 continues a personal stories theme with the tales about the reasons of the "arousal of mind", *hosshin*, and of the decision to become a monk. The characters of these tales are people of quite different origin: they can be the emperor's relatives, noblemen, warriors, their attendants or common people. They put their leaving the secular life behind not as the change of social status (from lay people to monks) but as a choice of the new aim of their existence, that lies somewhere behind this world, often in the future life. The tales about taking the veil by famous writers and poets are of special interest here because they link the history of Buddhism in Japan with the history of Japanese literature.

Keywords: Japanese Buddhism, *setsuwa* tales, *Konjaku monogatari-shū*, history of Japan, Buddhist rites, Japanese literature.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-2-120-132

Citation: Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2020) 'The History of Japanese Buddhism in *Konjaku monogatari-shū*. Part II: Persons Who Built Pagodas And Established Rites; Famous Laymen Who Entered The Buddha Path', *Voprosy Filosofii*, Vol. 2 (2020), pp. 120-132.

Во второй части статьи мы продолжаем разбор рассказов об истории буддизма в Японии из «Собрания стародавних повестей»¹. Мы обсудим две из четырех групп рассказов, которые выделяет Маэда Масаюки (см.: [Маэда 1985; Трубникова, Бабкова 2020]:

* The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, "Konjaku monogatari shu in the history of Japanese religious philosophy".

предания о строителях пагод и учредителях обрядов. Мы постараемся показать, как составители 12-го свитка «*Кондзяку*» редактируют рассказы, взятые из разных источников, и компонуют их, выстраивая в единый связный текст. Затем мы обсудим 19-й свиток, примечательный обилием исторических лиц среди персонажей: в нем собраны тексты жанра *хоссиндэн*, «предания о пробуждении сердца», то есть о том, как люди под влиянием различных жизненных обстоятельств принимали решение стать монахами.

Свитки «*Кондзяку*» отличаются друг от друга по соотношению рассказов, взятых из более ранних текстов, и таких, источник которых до сих пор неизвестен. Иногда последних большинство – таков, например, 26-й свиток, о воздаянии за дела, совершенные в прошлых жизнях (см.: [Бабкова 2019а]), или 29-й, о злодеяниях. Иногда же – наоборот, и как раз так собран 12-й свиток. Из сорока рассказов, так или иначе касающихся темы укоренения буддийской обрядности в Японии, источник лишь семи не установлен (рассказы 12–7, 12–10² и с 12–20 по 12–24). Остальные тридцать три истории заимствованы из трех текстов: «Японских легенд о чудесах» («*Нихон рё:ики*», рубеж VIII–IX вв.), «Рассказов с картинками о Трех Сокровищах» («*Самбо: экотоба*», 985 г.) и «Записок о могуществе Лotosовой сутры в Великой стране Японии» («*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*», середина XI в.)³. За двумя историями о пагодах следует группа рассказов об обрядах чтения и толкования сутр (12–3 – 10); затем – об изваяниях и других изображениях будд (12–11–12–19); эта группа пересекается со следующей – об огне (12–18–12–21). Еще два рассказа посвящены тому, как верующим были явлены чудесные знаки (12–22 и 12–23); затем два рассказа повествуют о том, как корова превратилась в будду (12–24) и как мать некоего человека переродилась короной в его хозяйстве (12–25). После этого до конца свитка следуют рассказы о чудесах «Лotosовой сутры», которым отведен также весь 13-й свиток и большая часть 14-го. Если в начале и середине свитка встречаются рассказы из всех трех названных источников, то в последнем блоке лишь истории 12–26, 12–27, 12–29 и 12–31 взяты из «Японских легенд о чудесах», а остальные – из «Записок о могуществе Лotosовой сутры». Итак, 12-й свиток, второй в японской части «*Кондзяку*», так встраивается в общую логику повествования: после рассказов о том, кто были зачинатели традиций японского буддизма и где именно – в каких храмах – все происходило (11-й свиток), составители поместили истории о том, что, как и с каких пор почитают японские буддисты (пагоды, сутры и связанные с ними обряды, изваяния будд, начало 12-го свитка) и какие чудеса происходили и происходят, подтверждая могущество буддийской веры (середина и конец 12-го свитка, а также свитки с 13-го по 17-й, содержащие разнообразные «записки о чудесах», *рэйгэнки*). Как в других свитках «*Кондзяку*», исторический подход в свитке 12-м позволяет одновременно показать древность, а значит, авторитетность буддийской традиции Японии – и выстроить взаимосвязь между явлениями, представить события (будь то исторические в привычном нам понимании или чудесные) как звенья единой причинно-следственной цепи, показать в действии закон всеобщей взаимообусловленности (санскр. *пратитья-самутпада*, яп. *энги*).

Строители пагод: истории исполнения обетов

Первый рассказ 12-го свитка перекликается с историей, открывающей самое раннее из дошедших до нас собраний *сэцува*, – со «Словом о том, как был пойман Гром» («Японские легенды о чудесах», 1–1). Но если там божество подчиняется государю⁴, то здесь – буддийскому наставнику, знатоку «Лotosовой сутры». В «Японских легендах» по приказанию государя Юряку его подданный Сугару велел Грому явиться ко двору, сказав: «Хоть он и бог грома, а послушаться государя не посмеет» [Нихон рё:ики 1994, 35]. В «*Кондзяку*» бог грома мешал управителю края Этиго исполнить его обет: воздвигнуть пагоду на вершине горы. Гром разрушал только что отстроенную пагоду до тех пор, пока не пришел учитель Закона Дзинью и не начал читать вслух «Лotosовую сутру». Услышав слова сутры, бог грома в обличье мальчика свалился с небес, простерся перед Дзинью⁵ и взмолился о пощаде. Дзинью поговорил с Громом

и велел ему больше никогда не разрушать пагоду, не беспокоить никого в округе грохотом и молниями, да еще и потребовал устроить на горе источник чистой воды, чтобы за ней не приходилось спускаться далеко вниз. Бог грома все выполнил, обещал прогнать своего родственника, бога горы, который как раз и велел ему разрушать пагоду, после чего исчез. Рассказчик заключает: все это произошло благодаря чудесной силе сутры. Как и в предыдущем, 11-м, свитке первый рассказ здесь в свернутом виде содержит все последующие темы: данный мирянином обет, постройка пагоды, обряд. Здесь чтение «Лотосовой сутры», влекущее за собой чудесные последствия, отсылает и к обряду как к таковому, и к самой сутре; и к чудесам вообще, и к могуществу именно этого текста.

В пору правления государя Сёму (724–749 гг.) некий Тигами из Ниу дал обет построить пагоду, но много лет не мог его выполнить, будучи занят служебными и семейными обязанностями. Тигами очень сожалел об этом и мечтал о времени, когда сможет исполнить обет. И вдруг его жена, которой уже исполнилось 63 года, забеременела и благополучно родила дочь. Девочка была хороша и пригожа, только у нее от рождения был сжат левый кулачок, родители пытались разжать, да так и не смогли. Хотя и стыдно им было перед людьми – в таком-то возрасте родить уродца! – но они любили девочку и растили ее в заботе. Когда дочери исполнилось семь лет, кулачок открылся и в нем оказались два кусочка *шарира* – чудодейственных останков Будды. Тигами выстроил пятирусную пагоду на территории храма Иватадэра, положил туда *шарира* и так исполнил свой обет. Вскоре после этого девочка умерла. Рассказ почти дословно совпадает с преданием из «Японских легенд о чудесах» (2–31), изменены только имена героев и чуть расширено заключение. В исходной версии говорится лишь, что раз обет дан, он должен быть исполнен. Рассказчики «*Кондзяку*» разъясняют, что девочка была воплощением Будды, явившимся в мир, чтобы помочь Тигами исполнить свой обет, поэтому и родилась она от столь немолодой матери.

В двух этих рассказах акцент ставится на могуществе буддизма: о нем, по мнению повествователей, необходимо прямо говорить, разъясняя и предупреждая.

Учредители обрядов

Группа рассказов об обрядах – логическое продолжение 11-го свитка. Но если там речь идет об именитых подвижниках и храмах, которые они основали, то здесь подробнее описано, как именно они чтили Закон Будды. «Собрания», э, – общее обозначение для большинства государственных буддийских обрядов в Японии эпохи Хэйан, проводимых при большом стечении монахов и знатных мирян. Главное действие во всех обрядах – чтение вслух текста той или иной сутры (см.: [Трубникова, Бачурин 2009, 184–190]), половина названий обрядов включает в себя заглавие самой сутры. В других случаях обряд может быть поименован по тому действию, которым сопровождается чтение: покаяние, угощение, отпускание на волю птиц и зверей и т. п. Вообще в «*Кондзяку*» главными героями рассказов часто становятся простые «учителя Закона» или бедные, незнатные миряне. В свитке же 12-м действуют государи, придворные и монахи, занимающие руководящие посты в японской буддийской общине. Во всех историях, кроме одной (12–10) речь идет о главных храмах страны, основание которых описано в предыдущем свитке: Тодайдзи, Кофукудзи, Якусидзи, Энрякудзи. Все истории, кроме одной (12–7), взяты из «Рассказов с картинками о Трех Сокровищах». Общая их мысль такова: Япония приобщается к буддийской традиции, на жителей страны распространяются благие последствия должным образом проводимых ритуалов. В каждой истории эта идея обыграна по-своему, в зависимости от того, кто учредил обряд, какую сутру читают и какие действия при этом совершают. Обряд соединяет минувшие дни и нынешние, временное (человеческую историю) и непреходящее (Закон Будды). Во всех историях подчеркивается, что ритуал начали проводить в старину, проводят до сих пор и непременно должны проводить в дальнейшем. Рассказчики неизменно обращают внимание на великолепие обрядов, их правильность (соответствие

индийскому образцу, заявленному в самом тексте сутры, или обычаю, принятому в Китае), их распространению по всей стране.

Собрание по «Сутре о Вималакирти» в честь Фудзивара-но Каматари, проводимое в течение семи дней с 10-го по 16-е число десятого месяца, по словам рассказчика, знаменито настолько, что о нем слышали даже в Китае⁶. А началось все с того, что основатель рода Фудзивара серьезно заболел и не явился ко двору. К нему приехала монахиня из царства Кудара (то есть корейского государства Пэкче), и он спросил, страдают ли люди в ее стране от подобного недуга, и если да, то чем лечатся. Монахиня объяснила, что хоть болезнь такая и есть, но помогает от нее не лекарство и не врач, а только изображение мирянина Вималакирти. Если перед ним прочесть сутру, немедленно излечишься. Услышав это, Каматари построил зал (будущий храм Кофукудзи), поместил туда образ Вималакирти и устроил собрание по «Сутре о Вималакирти», попросив ту самую монахиню быть главным чтецом и толкователем. Когда он услышал, как толкуют главу, где говорилось о болезни, он исцелился. Каматари очень обрадовался, щедро одарил монахиню и ежегодно проводил этот обряд до самой своей смерти. Когда его сын Фухито стал министром и главой рода Фудзивара, у него разболелись руки. Гадатель обнаружил: причина в том, что сын не проводил ритуала, который учредил его отец. Тогда чтения опять возобновились. Теперь их проводили в разных храмах, приглашая известных наставников быть толкователями сутры. Наконец дом, где жил Каматари, перенесли в Нара и перестроили как храм. Дальше описана роскошь, с которой проводили собрание по «Сутре о Вималакирти» (12–3). Рассказ перекликается с историей основания храма Кофукудзи (11–14), но если там на первом плане деятельность рода Фудзивара по строительству и освящению храма, то здесь – по его «использованию».

«Собрание высочайшей постной трапезы», *мисай-э*, – еще один важный обряд в японском буддийском календаре. В рассказе 12–4 описано, как его учреждает государыня Сётоку⁷. Обряд проводится с 8-го по 14-й дни первого месяца в государевом дворце, в Большом зале (Дайгокудэн), и одновременно в храмах по всей стране⁸. В «Кондзяку» сказано, что днем читали и толковали «Сутру золотого света», а ночью проводили обряд покаяния, обращенный к богине Китидзё-тэн, подательнице счастья (этот ритуал описан в сутре). Чтецов и толкователей сутры выбирали из числа тех, кто участвовал в собрании по «Сутре о Вималакирти» в храме Кофукудзи в прошлом году. В последний день сама государыня приглашала участников во дворец, усаживала на почетные места и преподносила им дары, в точности так, как учит Будда в сутре. Рассказчик напоминает слова сутры: те, кто исполняет обряд поклонения Китидзё, осознают свои желания и никогда не будут знать нужды в «пяти злаках»⁹. По сравнению с исходной версией этой истории («Рассказы с картинками...», 2–2), изложение в «Кондзяку» отличается гораздо большим количеством деталей, постоянными повторами того, что именно государыня Сётоку учредила этот обряд (в 768 г.¹⁰), и по сию пору он остается одним из главных.

Давным-давно государь Тэнти построил храм Якусидзи в городе Нара, и Закон Будды там процветал. Так в рассказе 12–5 одной фразой описано всё, о чем должна была бы идти речь в рассказе 11–17 (посвященном основанию Якусидзи и дошедшем до нас лишь во фрагментах). Как и в рассказе 12–4, повествователь перечисляет таланты и добродетели учредителя обряда – здесь это чиновник, который советует государю проводить собрание по «Сутре золотого света» в храме Якусидзи ради продолжения его жизни и благоденствия страны. Главное условие действенности ритуала заключается в том, что его нужно проводить регулярно долгие годы. Государь соглашается, издает соответствующий указ, и с тех пор обряд проводится по всей Японии в 7-й день третьего месяца. Связь с двумя предыдущими историями задана составом участников ритуала: для чтений в Якусидзи приглашают монахов, участвовавших в собраниях по «Сутре о Вималакирти» и по «Сутре золотого света» в Кофукудзи. Рассказчик подытоживает: все вместе обряды называются «тремя собраниями», *сан-э*, это самые великие обряды нашей страны.

Всякий раз, как нужно соотнести современную рассказчику Японию, данную ему и читателям в личном опыте, с древностью, «*Кондзяку*» это делается в двух направлениях. С одной стороны, повествователи обращаются к историческому прошлому – к Китаю, в прямом сопоставлении показывая самостоятельность и даже превосходство Японии как буддийской страны. С другой стороны, не менее важно «перепрыгнуть» через Китай и Корею в Индию, во времена и в места жизни самого Будды Шакьямуни. Япония оказывается страной, связанной с истоками буддизма, то есть независимой и не нуждающейся в посредниках. Линию передачи учения возможно провести благодаря всё тем же сутрам, ведь в них содержатся проповеди самого Будды и описания быта его общины. Два прекрасно подходящих текста – «Сутра о великой нирване» и «Лотосовая сутра». Рассказ 12–6 сообщает, как в Кофукудзи учредили собрания по ним. История примечательна тем, что среди персонажей появляется божество *ками*. Оно выступает не противником буддизма, как бог грома в первом рассказе, а наоборот, жаждет приобщиться к учению.

Учитель Закона Дзюко из Кофукудзи учредил собрание по «Сутре о великой нирване». Он приготовил музыкальные инструменты, пригласил монахов, чтобы распевать санскритский текст сутры и рассыпать цветы, созвал танцоров, провел обряд со всей пышностью. На следующий день появился мальчик, в которого, по словам рассказчика, вселилось божество Ацута из края Овари, откуда был родом Дзюко. Мальчик сказал, что прибыл поучаствовать в службе, но весь зал был занят буддистами, а вход охраняли божества-защитники, так что ему не удалось даже приблизиться. Из-за этого он очень огорчился и пришел к Дзюко спросить, как же послушать чудотворную сутру. Дзюко предложил прочесть сутру еще раз, специально для божества Ацута. Правда, на этот раз монах выбрал «Лотосовую сутру». Ее прочитали сотню раз, причем танцевали в точности, как накануне. Несомненно, божество слышало это, – заключает повествователь и добавляет, что впоследствии два обряда проводили вместе много лет подряд. Далее сказано, что всем верующим нужно непременно участвовать в чтениях, чтобы после смерти, когда судья мертвых Эмма и его приспешники спросят, был ли усопший в храме Кофукудзи во время собрания по двум сутрам, предъять в качестве доказательства цветок, поднесенный Будде.

Давным-давно государь Сёму построил храм Тодайдзи (этому посвящен рассказ 11–13). Праведный Гёки, которого просили освятить храм, предсказал, что из Индии придёт наставник Бодхисена, чтобы совершить обряд освящения (рассказ 11–7). Кратко напомнив об этом, повествователь в рассказе 12–7 обращается к собранию по «Сутре цветочного убранства». Пока для этого обряда искали подходящего чтеца, государю во сне было дано указание: кто первым подойдет к храмовым воротам, будь то монах или мирянин, высокого или низкого происхождения, – тот и должен провести ритуал. В назначенное утро государь, глубоко веря в вещий сон, отправил в храм посланца наблюдать за воротами, и тот увидел старого торговца рыбой. Его одели подобающим образом и, не слушая его возражений, велели читать сутру. В конце службы старик вдруг исчез с помоста, так что все присутствующие убедились: это не был обычный человек! В корзинах с рыбой, оставленных им, нашлись 80 свитков сутры. С тех пор государь учредил ежегодные чтения «Сутры цветочного убранства». Рассказ завершается доказательством подлинности всего описанного: в восточной части сада в Тодайдзи до сих пор хранится палка, на которой старик нес корзину. Источник этой истории неизвестен, но ее варианты встречаются в других собраниях *сэцува*, в частности в «Рассказах, собранных в Удзи» (рассказ 103). Мотив чуда, подтверждающего истинность истории, объединяет рассказ 12–7 со следующим, 12–8. В нем говорится о том, как в храме Якусидзи начали проводить «собрание десяти тысяч фонарей», *мандо*:-э, – обряд, во время которого читают сутру и зажигают светильники во искупление грехов. Глава общинников (*со:дзу*) Эдацу наблюдал за службой, пока был жив, а умирая, препоручил ее другим монахам. Тело Эдацу сожгли в западной части храма, и тех пор в ночь ритуала, когда зажигали фонари, над его могилой всегда загорался чудесный свет.

Многие рассказы «Кондзяку», помещенные достаточно далеко друг от друга, перекликаются деталями. Читатели невольно вспоминают уже прочитанное, еще раз осмысливают преподанные истины, вновь и вновь обращаются к благим помыслам. Благодаря пересечениям и отсылкам, истории объединяются в подобие сетки, улавливающей обывателей из океана страданий и отправляющей их на берег спасения. Рассказ 12–9 о том, как на горе Хиэй проводили «собрание в честь шарира», *сяри-э* (то есть чтили останки Будды), перекликается и с рассказом 12–2 о шарира в кулачке девочки, и с 12–6, где обряд повторяют ради божества, и с 12–8, где учредитель обряда тоже был главой общинников. Давным-давно монах Дзикаку (упоминается в рассказах 11–11 и 11–27) привез из Китая много шарира и построил молельню Содзиин. Он учредил в горах обряд в честь шарира. Однажды глава общинников Дзиэ, настоятель Энрякудзи, привез шарира в местность Ёсида, чтобы его престарелая мать могла тоже принять участие в обряде. Позже другой настоятель подумал: какой стыд, что женщины в столице не могут посещать службу! – и доставил шарира туда. В рассказе подробно описано, как перевозили шарира, всякий раз с великой пышностью: толпа сопровождающих в многоцветных одеждах, благовония, цветы, музыку и пр. Как и в рассказе 12–6, обстановка во время проведения обряда сравнивается с райской: ритуал позволяет людям заранее представить себе, что их ждет в итоге праведной жизни, каким будет благое перерождение в небесах чертогах будд.

Заключительный рассказ в этой группе (12–10) описывает «собрание ради освобождения живых», *хо:дзё:-э*. Речь здесь идет о почитании в святилище Ивасимидзу бога-бодхисаттвы Хатиман (Явата-но ками). Предыстория обряда такова. Давным-давно, когда великий бодхисаттва Явата в одном из прошлых рождений был японским государем, он отнял много жизни, воюя с «варварами». Спустя много лет он явился в качестве бодхисаттвы в Ивасимидзу, где велел монахам и мирянам купить множество рыб и птиц и отпустить их на свободу во искупление своих былых грехов. Выполняя повеление божества, государь возложил на жителей всех краев обязанность освобождать живых. Во время обряда читают «Сутру золотого света» (в ней есть пассаж о том, как некий богач освобождает пойманную рыбу) и проводят состязания по борьбе сумо. Подробно описано великолепие службы, а также чудеса, которые некогда произошли и подтвердили благую силу сутры и действий участников.

Исторические личности в 19-м свитке «Кондзяку»

19-й свиток во всей полноте освещает центральную для «Кондзяку» тему: обращение людей к спасению от страданий мирской жизни. Первые шестнадцать его рассказов (с 19–1 по 19–18, рассказы 19–15 и 19–16 не сохранились) повествуют о том, как главный герой уходит в монахи; следующие двадцать шесть (с 19–19 по 19–44, рассказ 19–34 не сохранился) – о разных происшествиях, например, о том, как некий человек несколько дней ходил смотреть на брошенного младенца, пытаясь понять, почему тот не умирает от голода (рассказ 19–44)¹¹. Многие персонажи 19-го свитка – исторические личности. В рассказах о принятии монашества появляются государственные деятели, знатные воины, поэты, знаменитые подвижники и наставники в учении Будды. В восьми историях из восемнадцати они и есть главные герои, а еще в четырех они упомянуты как те, кто косвенным образом способствовал решению героя принять постриг. Остальные истории 19-го свитка устроены иначе: в шестнадцати из двадцати шести имена персонажей вообще не важны, и только в четырех упомянуты сколько-то известные люди. Так, в рассказе 19–23 названы имена нескольких высокопоставленных монахов: это Какуэн (учитель устава, ум. 1002), Ингэн (настоятель храма Энрякудзи, 954–1028), Мёго (великий общинный глава, 955–1003) и др. Правда, к самому повествованию отношение имеет только Какуэн, да и тот умирает в самом начале рассказа, завещав самому эксцентричному из своих учеников ни за что не оставлять храм, пока от построек останется хотя бы щепка. Ученик выполнил наказ, прожил в постепенно ветшавшем храме больше сорока лет и умер, лежа у одного из уцелевших

обломков стен. Истории 19–25 и 19–26 повествуют о сыновней почительности: Фудзивара-но Тадаканэ укрыл от дождя Фудзивара-но Аритоо, не зная, что заботится о родном отце, а Симоцукэ-но Кинсукэ безропотно снес побои отца¹². Средний советник (*тю:нагон*) Фудзивара-но Ямакагэ (823–888) построил храм Содзидзи в краю Сэтцу. Рассказчик добавляет это сообщение в конец истории 19–29, где говорится о том, как черепаха в благодарность за проявленное к ней милосердие спасла маленького сына Ямакагэ. Когда же сын вырос, он стал монахом и дослужился в храме Кофукудзи до чина общинного главы. Вообще собрания *сэцува* содержат множество рассказов о том, как самые разные живые существа расплачиваются добром за добро, отдают долг благодарности, *хо:он*, и в 19-м свитке таких историй тоже несколько подряд: опять о черепахе (19–30), о черепае (19–31) и о божестве (19–31). В последней наместник края Муцу Тайра-но Корэнобу, сын Тайра-но Садамори (X в.), восстановил местное святилище. Божество, которое там чтили, по окончании срока его службы отправилось вместе с ним в столицу, чтобы помогать ему и охранять его от бед. Спустя годы божество вернулось в край Муцу и сообщило об этом следующему наместнику Фудзивара-но Санэкате (ум. 998).

Истории о постриге знаменитых людей

19-й свиток входит в число тех в «*Кондзяку*», которые удостоились серьезного внимания исследователей. Он одним из первых был полностью переведен на английский язык – это сделал Майкл Келси в диссертации 1976 г. «Дидактика в искусстве: композиция “*Кондзяку моногатари-сю*” как литературного произведения» [Kelsey 1976]. Келси ссылается на слова японского исследователя Нисиро Коити, что шестнадцать историй о постриге обладают самыми высокими литературными достоинствами среди всех рассказов «*Кондзяку*». По собственному мнению Келси, составитель воспринимал истории о постриге как самые важные во всем памятнике и самые интересные для художественной обработки¹³. «Пробуждение сердца», *хоссин*, – первый и необходимый шаг к просветлению. С точки зрения большинства буддийских авторов XII в., за ним должно последовать принятие монашества, *сюккэ*. В рассказах 19-го свитка рассказчик описывает эти два события одно за другим, хотя часто уточняет, что на самом деле их разделяло длительное время. После того как человек впервые захотел уйти от мирской жизни, могут пройти месяцы или даже годы, прежде чем он осуществит свое намерение. Келси отмечает, что обращение к буддизму в тексте «*Кондзяку*» предстает как закономерное следствие поступков, совершенных героем в этой или в одной из прошлых жизней. Правда, далеко не всегда эти поступки легко опознать с первого взгляда как ведущие к просветлению. Часто это грехи: убийства, преступная страсть; иногда жадность, глупость или другие человеческие пороки. Исследователь отмечает, что именно эта особенность делает истории о постриге 19-го свитка ключевыми с дидактической точки зрения. Если бы мы имели дело с философским трактатом, рассчитанным на искушенного в буддийских доктринах читателя, можно было бы ожидать цитат из сутр, рассуждений о непреложности закона воздаяния и необходимости отринуть мирские связи. Но текст был написан для широкого круга читателей в беспокойные времена накануне междоусобиц XII в. Люди из разных слоев общества больше не могли рассчитывать на жизнь по веками заведенному порядку, и побуждать их к принятию монашества следовало как раз такими яркими, запоминающимися историями. С одной стороны, рассказы демонстрируют непрочность и ненадежность мирской жизни. С другой – в них показано, что грехи и преступления могут привести к благому перерождению в раю, нужно лишь сделать верные выводы из происходящего.

Обилие исторических личностей в историях о постриге вряд ли случайно. Они нужны для придания повествованию достоверности, но, как и везде в «*Кондзяку*», исторические отсылки здесь важны не только и не столько сами по себе. Среди героев, уходящих от мира, нет ни одного государя. Хотя японские правители принимали монашество, но совершенно не обязательно при этом удалялись от дел; напротив, с конца XI в.

стала выстраиваться система «правления из молельни», при которой государь сосредоточивал в своих руках реальную власть уже после формального ухода от мира. Зато в первом рассказе 19-го свитка «*Кондзяку*» сановника Ёсиминэ-но Мунэтаду побуждает уйти от мира смерть государя, а в рассказе 19–18 монахиней становится вдовствующая государыня. Похоже, составители «*Кондзяку*» отбирали рассказы, где, с одной стороны, главные герои – люди достаточно известные, чтобы их примеру хотелось последовать, а с другой стороны, где последовать примеру героев в самом деле возможно. Персонажи живут и действуют в той же исторической действительности, что и читатели, повествование специально строится так, чтобы это подчеркнуть (реальность рассказов о постриге отмечает и М. Келси, и другие исследователи). Кроме того, бросается в глаза разнообразие ситуаций, в которых оказываются герои. Закон Будды действует не только для узкого круга усердных в вере подвижников: все государство мыслится как огромная буддийская община, а история буддизма в Японии расширяется до масштабов истории страны. Все эти особенности можно рассмотреть как сознательно сформированные редакторами памятника и подчиненные их задачам. Возможно, что составители «*Кондзяку*» в историях о постриге одновременно показывали всеобщий характер учения Будды и демонстрировали его доступность для всех слоев населения здесь и сейчас, во всех уголках страны.

Великий общинный глава Кадзан, он же Хэндзэ, в миру Ёсиминэ-но Мунэсада (816–890), был внуком императора Камму, отцом поэта Сосэя и сам славился ученостью. Он вошел в историю как один из «шести бессмертных гениев поэзии» IX в. Но литературная деятельность Мунэсады в «*Кондзяку*» не упоминается. В рассказе говорится, что когда благоволивший к нему государь Фукакуса скончался и на престол взошел наследный принц, не любивший Мунэсаду, сановник глубоко утвердился в решении принять постриг. Он исчез в ночь похорон, хоть и печалился об оставленной любимой жене и детях. Они искали главу семьи по всем храмам в округе, в конце концов зашли в зал, где он подвижничал, и принялись вслух молиться о его возвращении. Из-за полутьмы, царившей в зале, жена и домашние Мунэсады его не заметили, а он себя не выдал. В конце концов он обрел способность избавлять людей от недугов, и его позвали лечить самого государя; Мунэсада успешно справился и получил множество наград. Рассказчик превозносит стойкость духа Мунэсады и заключает, что всегда есть причины для того, чтобы принять постриг.

Смерть любимого человека, повлиявшая на решение героя уйти от мира, и обретение сверхъестественных способностей в результате усердного подвижничества – два мотива, которые встречаются по отдельности в двух историях «Рассказов, собранных в Удзи» (4–7 и 13–12). В «*Кондзяку*» они объединены в рассказе 19–2 о том, как принял постриг Оэ-но Садамото, наместник края Микава (962–1034). Он оставил жену ради любви к юной девушке, а когда та умерла, впервые задумался о бренности мирской жизни. Решение о постриге Садамото принял и воплотил после того, как вместе с сослуживцами поучаствовал в жестокой забаве: они ошипали фазана и зажарили его живьем, пока несчастная птица жалобно стонала и обливалась кровавыми слезами. В отличие от прошлой истории здесь не говорится ничего о том, как именно подвижничал Садамото, сказано лишь, что он остриг волосы и назвался Дзякусё, монахом из Микава. Как-то раз он пришел за поданием в дом к богатой женщине, которая оказалась его покинутой женой. Она сказала, что счастлива видеть неверного супруга в монашеском рубище, а Дзякусё спокойно поблагодарил за подаение. Позже он решил отправиться в Китай, но перед отъездом задумал повидаться с сыном. История о том, как Оэ-но Садамото стал святым Дзякусё, есть в «Повестях из Ямато», «Рассказах, собранных в Удзи» и других источниках, но именно этот эпизод встречается только в «*Кондзяку*». В Китае Дзякусё пришлось отстаивать честь Японии. Его специально пригласили на трапезу, где все отправляли свои чаши за едой по воздуху, поскольку китайские монахи обладали достаточным могуществом для подобных трюков и надеялись посрамить иноземца. Дзякусё вознес молитву буддам Японии и чудесным образом отправил лететь и свою чашу тоже, да еще быстрее, чем китайские. В заключение рассказчик

перечисляет свидетельства святости Дзякусё и говорит, что его чтит сам китайский император.

Напротив, о святом Дзякусине, герое рассказа 19–3, повествователь отзывается чуть ли не с насмешкой. Ёсисигэ-но Ясутанэ (933–1002), так же, как Ёсиминэ-но Мунэсада, – известный литератор, автор «Записок из беседки над прудом» («*Титэйки*»); см.: [Записки, 2014]¹⁴. Так же, как в случае с Мунэсадой, в рассказе о его литературных трудах ничего не говорится, хотя история о Дзякусине длинная, охватывает его жизнь с самого рождения (он был сыном знатока Пути Темного и Светлого начал, Инь-Ян) до преклонных лет. Опущены и подробности его обращения к буддизму: основная часть повествования сосредоточена на годах, когда он уже стал известным наставником. Рассказ о Дзякусине распадается на несколько отдельных историй. В первой рассказывается о том, как он собирал пожертвования на строительство храма, но повстречал монаха, вынужденного заниматься изгнанием духов в бумажной короне на голове, чтобы прокормить семью, и отдал ему все собранные средства. Дзякусин рассудил, что заслуги от того, что он поможет одному человеку обрести просветление, не могут быть меньше заслуг, которые он обретет, если построит храм. (Впоследствии та же идея важности спасения хотя бы одного человека появляется в рассказе 19–12. Там дряхлый старик решил отринуть мирское, пока он еще жив, а все божества округи прибыли в храм, чтобы присутствовать при обряде пострига. Они назвали это событие «рождением нового будды».) В следующем пассаже Дзякусина пригласили в некое место, куда он отправился верхом на лошади в сопровождении слуги. По дороге Дзякусин не погонял своего коня, а позволял ему щипать траву сколь угодно долго, поклонялся каждой придорожной пагоде и довел слугу до того, что тот поклонялся никуда больше не сопроводжая наставника. Дзякусин объяснил нетерпеливому спутнику, что в теле коня вполне мог возродиться кто-то из их собственных родителей – в наказание за дурные поступки, которые был вынужден совершать, дабы взрастить его, слугу, или же самого Дзякусуна. Еще две истории, вошедшие в рассказ, описывают, как Дзякусин общался с собаками. Из тех же соображений он пытался выказывать им почтение, но все закончилось грубой сварой, и в итоге учителю пришлось спасаться бегством. Рассказчик говорит, что хоть Дзякусин и святой, а в повадках собак ничего не смыслит. Тем не менее в заслугу Дзякусину ставится его благочестие и душевное благородство.

Во многом комическое повествование о Дзякусине предшествует рассказу 19–4, где обман приводит к обращению жестокого воина и охотника Минамото-но Мицунаки (912?–997). Один из его многочисленных сыновей стал монахом и мучился, глядя, как отец навлекает на себя неизбежные страдания в грядущих перерождениях. В конце концов сын-монах не выдержал и обратился за помощью к своим учителям, наставникам школы Тэндай. Вместе они посоветовались и разработали план. Знаменитый проповедник Гэнсин (942–1017) и еще двое талантливых учителей Закона должны были, как будто заплутав, прибыть к дому Мицунаки, чтобы он пригласил их погостить. Затем нужно было прочитать такую проповедь, после которой хозяин бы пожелал принять монашеские обеты. Все произошло именно так, как было задумано, и после проповеди Мицунака отбросил в сторону доспехи и оружие, велел распустить ловчих соколов и охотничьих собак, а также освободить множество других живых существ, людей и зверей, которых он так или иначе угнетал, и стал мирным и благочестивым. На этой истории заканчивается первая часть рассказов о знаменитостях, принявших постриг.

В рассказах с 19–5 по 19–14 действуют либо совсем безвестные люди (некий муж, охотник, старик), либо подчиненные кого-то из власть имущих. Лучник из отряда знаменитого воина Фудзивара-но Ясумасы (958–1036) ушел в монахи после того, как застрелил оленуху и выяснил, что она была его переродившейся матерью (19–5). Служилый человек из дома Фудзивара-но Моромасы (920–969) случайно разбил драгоценнейший камень для растирки туши своего господина, но не был наказан, поскольку его вину скрыл, взяв на себя, сын Моромасы. Отец выгнал мальчика из дома и тот спустя некоторое время скончался; тогда служилый во всем признался и исчез (19–9).

От рассказов 19–15 и 19–16 сохранились только заглавия, но из них видно, что речь снова идет о самых близких ко двору государственных деятелях: это старший советник Фудзивара-но Кинто (966–1041) и средний советник Минамото-но Акимото (1000–1047). Только после двух таких историй повествователи сочли возможным поместить два рассказа о еще более важных особах: принцессе Сэнси (964–1035) и вдовствующей государыне Сандзё, она же Фудзивара-но Дзюнси (957–1017). Заключительные в ряду историй о постриге, эти истории схожи между собой в том, как описаны сами героини и принятие ими решения уйти от мира. Обе дамы знатнейшего происхождения и до пожилого возраста вели активную светскую жизнь, едва ли совместимую с буддийскими добродетелями. Принцесса Сэнси, дочь государя Мураками, несла служение богам в святилище Камо¹⁵. Постриг принцесса принимает всего за несколько строк до конца рассказа, уже перед кончиной. Основную часть повествования занимает сообщение о том, как ее, уже немолодую, живущую в уединении, посетили знатные господа и музицировали вместе с нею. По словам рассказчика, хотя в жизни Сэнси было очень много греховного, раз она умерла, уже будучи монахиней, она непременно должна была попасть в рай. Точно так же, достигнув почтенного возраста, решила отказаться от мирской жизни вдова государя Энью, Дзюнси из рода Фудзивара. Она тоже была далека от соблюдения заповедей, но, как и Сэнси, отличалась умом и твердостью в вере. В отличие от предыдущего рассказа центральное место здесь занимает сам обряд посвящения. Государыня пригласила монаха Дзога (917–1003), известного своим эксцентричным поведением, и то, что он вытворял в присутствии высочайших особ, очень напоминает Дзякусуна (даже расстройство кишечника, случившееся у обоих наставников, описано одинаковыми словами). Дзога через полог обрезал прекрасные длинные волосы Дзюнси, а затем допустил несколько непристойностей, чем шокировал всех собравшихся. Рассказчик говорит, что многие тогда возмущались: как можно было позвать именно его? Но раз дело было сделано, государыня с усердием принялась подвижничать. Такой подход соответствует лейтмотиву всего текста: кто бы и что бы ни способствовало обращению к Закону Будды, при каких бы обстоятельствах ни произошло пробуждение сердца человека, оно всегда влечет за собой самые благие последствия. Верен и другой вывод: как бы ни складывалась жизнь читателей и слушателей «Кондзяку», они могут и должны всегда иметь в виду возможность встать на Путь Будды, отринуть ложные связи и в конечном итоге прийти к просветлению, избавиться от страданий.

(Окончание следует)

Примечания

¹ Мы пользуемся изданиями [Кондзяку 1993–1999; Кондзяку 2014–2018 web].

² Правда, похожая история есть в «Рассказах с картинками о Трех Сокровищах» (2–26).

³ См.: [Нихон рёйки 1994; Kamens 1988; Легенды 1984].

⁴ Тем самым утверждает власть государя над силами природы [Нихон рёйки 1994, 76].

⁵ Простирание – общепринятый в буддийских странах способ выказать почтение. Человек касается земли коленями и лбом, а руки кладет по бокам от головы ладонями вверх.

⁶ Здесь подчеркивается, что Япония ничуть не хуже Китая. Об этом обряде см. также: [Трубникова, Бачурин 2009, 189–190].

⁷ Дочь государя Сёму, правила в 749–758 гг. под именем Кокэн, а затем в 757–770 гг. под именем Сётоку.

⁸ В кокубундзи, храмах, учрежденных в каждой провинции в 740 г. Эта храмовая сеть, по замыслу государя Сёму, должна была унифицировать буддийскую обрядность по всей стране.

⁹ Рис, просо, пшеница, соя, красная фасоль.

¹⁰ По другой версии, ритуал начали проводить с 676 г. [Трубникова, Бачурин 2009, 187].

¹¹ Через несколько дней выяснилось, что ребенка кормила прибежавшая по ночам собака, а потом и она, и дитя исчезли.

¹² Разбор этой истории см. в статье [Трубникова, Коляда 2019].

¹⁵ Там же. 174. Во времена Келси считалось, что он был один. Сейчас большинство исследователей придерживаются гипотезы, согласно которой над «Кондзяку» работала группа авторов. Мнение Келси о важности историй о постриге разделяет Исибаси Гисю, опубликовавший статью «Уход от мира и затворничество в “Собрании стародавних повестей”» [Исибаси 1987].

¹⁴ Также Ясутанэ известен как составитель «Японских записей о возрождении в краю Высшей Радости» («*Нихон о:дзё: Гокураку-ки*») – собрания рассказов *сэцува* о подвижниках Чистой земли, в «Кондзяку» свиток 15-й в основном состоит из историй, восходящих к этому сборнику. Переводы избранных рассказов из сборника см.: [Легенды 1984]. О подходе Ясутанэ к построению жизнеописания праведной мирянки, ставшей монахиней в конце жизни, см.: [Трубникова 2019].

¹⁵ Хотя жреческие обеты в Камо требовали строго отстраняться от всего, что связано с буддизмом, принцесса-жрица известна буддийским благочестием, ей принадлежит сборник стихотворений «Пробуждение сердца» («*Хоссин вака-сю:*»), см.: [Kamens 1990].

Источники и переводы – *Primary Sources and Translations*

Кондзяку 1993–1999 – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюньити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато. Токио: Иванами, 1993–1999 (Konno, Tōru et al., eds (1993–1999) *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo (Shin Nihon koten bungaku taikēi series, Vol. 33–37, in Japanese).

Кондзяку 2014–2018 web – Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисуто кэнсяку [Портал Ятагарасу. База данных электронных текстов классической литературы]. Под ред. Накагава Сатоси. 2014–2018 http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (Nakagawa, Satoshi, ed. (2014–2018) *Konjaku monogatari shū*, Digital edition, in Japanese).

Нихон рёйки 1994 – Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й. Перевод со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1995 (*Nihon ryōiki*, Trans. into Russian by Aleksandr N. Meshcheryakov).

Легенды 1984 – Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. Пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984 (Japanese Miraculous Tales, 9th–11th Centuries, Trans. into Russian by Aleksandr N. Meshcheryakov).

Kamens, Edward (1988) *The Three Jewels. A Study and Translation of Minamoto Tamemori's Sanbōe*, Center for Japanese Studies, The University of Michigan, Ann Arbor.

Kamens, Edward (1990) *The Buddhist Poetry of the Great Kamo Priestess. Daisaiin Senshi and Hosshin Wakashū*, Center For Japanese Studies, The University Of Michigan, Ann Arbor.

Записки 2014 – Записки из беседки над прудом. Перевод В.С. Сановича // Повесть о прекрасной Отикубо. Записки у изголовья. Записки из кельи. Под ред. В.С. Сановича. М.: Эксмо, 2014 (Yoshishige no Yasutane, Chiteiki, Trans. Into Russian by Viktor S. Sanovich).

Ссылки – *References in Russian and Japanese*

Бабкова 2019а – Бабкова М.В. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 2. С. 86–97. DOI: 10.31857/S004287440004409–4.

Бабкова 2019б – Бабкова М.В. Монашеский и мирской пути в «Собрании стародавних повестей» // Религиоведческие исследования. 2019. № 1 (19). С. 29–49.

Маэда 1985 – Маэда Масаюки. Кондзяку моногатари-сю: Хонтё: Буппо:си-но рэкиси исики – дзиин конрю: вагун-о мэгуттэ [Историческое сознание в буддийском разделе японской части «Собрания стародавних повестей»: группа рассказов об основании храмов] // Нихон бунгаку. 1985. Вып. 34 (7). С. 61–75.

Трубникова, Бачурин 2009 – Трубникова Н.Н., Бачурин А.С. История религий Японии. IX–XII вв. М.: Наталис, 2009.

Исибаси 1987 – Исибаси Гисю:. Кондзяку моногатари-сю: ни окэру сюккэ-тонсэй [Уход в монахи и отшельничество в «Собрании стародавних повестей»] // Оотани гакухо: [Ученые записки Оотани]. 1987. № 67 (2). С. 13–27.

Трубникова, Бабкова 2020 – Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. История японского буддизма в «Собрании стародавних повестей». Часть I: основатели школ и строители храмов // Вопросы философии. 2020. № 1. С. 137–155. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–1–137–155.

Трубникова, Коляда 2018 – Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов XII–XIV вв. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и Дальнем Востоке. № 4 (2018). С. 34–44. DOI: 10.24866/1997–2857/2018–4/34–44.

Трубникова 2019 – Трубникова Н.Н. Бодхисаттва во плоти: запись о поминовении принцессы Сонси // Религиоведение. 2019. № 2. С. 66–76. DOI: 10.22250/2072–8662.2019.2.66–76.

References

- Babkova, Maya V. (2019) “The Meaning of The Notion Hō in 26th Volume of *Konjaku Monogatari Shū*”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2019), pp. 86–97. DOI: 10.31857/S004287440004409–4 (in Russian).
- Babkova, Maya V. (2019) “The Ways of Monks And Laymen in *Konjaku Monogatari-Shū*”, *Researches in Religious Studies*, Vol. 1 (2019), pp. 29–49 (in Russian).
- Maeda, Masayuki (1985) “Konjaku Monogatari Shū Honcho-Buppo-Shi no Rekishi ishiki: jii kenryū wagon wo megutte [The Historic Consciousness of Honcho-Buppo-Shi in Konjaku Monogatari Shū: A Group of Stories Related to the Construction of Temples]”, *Japanese Literature*, Vol. 34 (7), pp. 61–75 (in Japanese).
- Maeda, Masayuki (1999) *Konjaku Monogatari Shū no Sekai Kōsō [Worldview of Konjaku Monogatari Shū]*, Kasama shoin, Tokyo (in Japanese).
- Trubnikova, Nadezhda N., Bachurin, Aleksei S. (2009) *History of Japanese Religions, 9th – 12th Centuries*, Natalis, Moscow (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N., Babkova, Maya V. (2020) “The History of Japanese Buddhism in Konjaku monogatari-shū. Part I: School Founders and Temple Builders”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 1 (2020), pp. 137–155. DOI: 10.21146/0042–8744–2020–1–137–155 (in Russian).
- Kelsey, W. Michael (1976) *Didactics in Art: The Literary Structure of Konjaku Monogatari-shū*, Ph.D. Dissertation, Indiana University, Bloomington.
- Ishibashi, Gishū (1987) “Konjaku Monogatari Shū ni okeru shukke tonsei” [Taking of Monastic Vows and Hermit Withdrawal in Konjaku Monogatari Shū], *Ōtani gakuhō*, No 67 (2), pp. 13–27 (in Japanese).
- Trubnikova, Nadezhda N., Kolyada, Maria S. (2018) “Konjaku Monogatari-shu in the Japanese Didactic Tales Tradition of XIIth – XIVth centuries, *Gumanitarnie Issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, Vol. 46, pp. 34–44. DOI: 10.24866/1997–2857/2018–4/34–44 (in Russian).
- Trubnikova, Nadezhda N. (2019) “Incarnated Bodhisattva: A Record of the Commemoration of Princess Sonshi”, *Religiovedenie*, Vol. 2 (2019), pp. 66–76. DOI: 10.22250/2072–8662.2019.2.66–76 (in Russian).

Сведения об авторах

ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС, профессор ИСАА МГУ.

БАБКОВА Майя Владимировна – кандидат философских наук; научный сотрудник Института востоковедения РАН, старший научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС.

Author's Information

TRUBNIKOVA Nadezhda N. – DSc in Philosophy, leading researcher, SASH RANEPА, professor, IAAS MSU.

BABKOVA Maya V. – CSc in Philosophy; Research Fellow, IOS RAS; Senior Research Fellow, SASH RANEPА.